

Современная российская иранистика: предисловие

© 2023

Арсений Павлович Выдрин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; senjacom@gmail.com

Олег Игоревич Беляев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Contemporary Iranian studies in Russia: A foreword

Arseniy P. Vydrin

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; senjacom@gmail.com

Oleg I. Belyaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; belyaev@ossetic-studies.org

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.7-10

Настоящий выпуск собран на основе докладов, представленных на «Воркшопе по редким и малоизученным иранским языкам», который был проведен 10 и 11 марта 2023 г. в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Большинство докладов представляло результаты полевой работы с миноритарными иранскими языками (главным образом, восточноиранскими). Особый акцент именно на этом направлении в значительной степени отражает состояние современной отечественной иранистики в целом.

Оценивая современное положение дел в иранском языкознании, полезно вспомнить, что в XX в. отечественная иранистика занимала ведущее положение в мировой науке. Многие малые иранские языки были описаны советскими иранистами практически с нуля. Был опубликован целый ряд грамматик и словарей, актуальность которых сохраняется до настоящего времени. Большой вклад внесли такие исследователи, как В. И. Абаев, М. Н. Боголюбов, Л. Г. Герценберг, А. Л. Грюнберг, В. А. Ефимов, И. И. Зарубин, А. А. Керимова, К. К. Курдоев, Б. В. Миллер, Е. К. Молчанова, И. М. Оранский, Т. Н. Пахалина, Л. А. Пирейко, В. С. Расторгуева, Ю. А. Рубинчик, И. А. Смирнова, С. Н. Соколов, В. С. Соколова, И. М. Стеблин-Каменский, А. Л. Хромов, Д. И. Эдельман и многие другие.

К концу 60-х гг. XX в. был накоплен огромный материал как по современным, так и по мертвым иранским языкам, который требовал дальнейшего теоретического осмысления. В начале 70-х гг. XX в. отечественными иранистами была предпринята успешная попытка обобщить весь имеющийся на то время материал и предложить сравнительно-типологическое описание иранских языков. В качестве ведущего был выбран исторический подход: акцент был сделан на описании динамики развития основных категорий и явлений в иранских языках от древнего периода к современности. Результатом работы явилась коллективная двухтомная монография «Опыт историко-типологического исследования иранских языков», вышедшая в 1975 г. (Москва: Наука; ответственный редактор В. С. Расторгуева). Это издание по глубине проработки материала и масштабу теоретических выводов может считаться образцовым. Выбранный в этой работе подход определил дальнейшее

развитие отечественной иранистики именно в русле диахронии. В дальнейшем была выпущена серия томов «Основы иранского языкознания» и большое количество частных работ по отдельным иранским языкам, где авторы также использовали по большей части исторический подход к пониманию грамматики. К настоящему времени описание иранских языков через призму диахронии достигло высокой степени подробности и фундаментальности.

Что касается синхронного описания иранских языков, это направление тоже существовало в отечественной иранистике, хотя и было менее развито. Его ярким представителем был И. И. Зарубин и его петербургские и московские ученики (В. С. Соколова, Т. Н. Пахалина, А. Л. Грюнберг и другие). Однако после ухода из жизни этих исследователей отечественная синхронная иранистика развивалась довольно медленно. Подход к описанию синхронного состояния грамматики и лексики с опорой на типологические апробированные термины и категории, а также на методы и подходы современной лингвистической типологии до недавнего времени практически не был представлен в отечественной иранистике. На современном уровне развития лингвистики актуальность такого подхода для иранистики не должна вызывать сомнений. Отсутствие качественных синхронных описаний большинства иранских языков, понятных и доступных не только иранистам, но и лингвистам-типологам, делает включение материала иранских языков в современные типологические выборки проблематичным. Не отвергая важность диахронии и допуская возможность совмещения диахронического и синхронного подхода в одном исследовании, редакторы настоящего выпуска считают, что работа над созданием типологически ориентированных описаний иранских языков в данный момент представляется наиболее перспективным путем развития отечественной иранистики.

В настоящем специальном выпуске в качестве основного выбран именно синхронный типологический подход к описанию лексики и грамматики современных иранских языков. Существенно, кроме того, что во всех статьях используются не только методы полевой лингвистики, но и корпусные методы получения или проверки языкового материала. За последние 15 лет российскими лингвистами был создан целый ряд лингвистических корпусов современных иранских языков: в частности, письменные и устные корпуса обоих основных диалектов осетинского языка (Осетинский национальный корпус — более 12 млн словоупотреблений, <http://corpus.ossetic-studies.org/>; дигорский корпус — 2,3 млн словоупотреблений, <http://corpus-digor.ossetic-studies.org/>; устный корпус — 77 000 словоупотреблений, <https://www.ossetic-studies.org/ru/texts>), Национальный корпус таджикского языка (более 53 млн словоупотреблений, <https://tajik-corpus.org/>), шугнанский корпус (около 60 000 словоупотреблений, <https://pamiri.online/>), корпус опубликованных устных ягнобских текстов (более 40 000 словоупотреблений). В настоящий момент ведется работа по созданию лингвистически размеченных корпусов других новоиранских языков.

Из двух традиционно выделяемых подгрупп иранских языков (западной и восточной) западная известна и изучена в гораздо большей степени, особенно в зарубежной иранистике. В Иране, США, Франции и других странах интенсивно развивается изучение персидского языка и других близких к персидскому западноиранских диалектов и языков. В Европе хорошо представлено белуджеведение (наиболее известные исследователи — Агнес Корн и Карина Джахани) и курдоведение (Джеффри Хейг и его ученики). Восточноиранским языкам уделяется значительно меньше внимания. Исключением отчасти является осетинский язык, который с 2006 г. активно изучается группой российских исследователей (<https://www.ossetic-studies.org/>). Наименее описанными на данный момент остаются малые восточноиранские языки, расположенные на территории Таджикистана, Афганистана и Пакистана.

В настоящем выпуске представлены результаты исследования трех восточноиранских языков — осетинского, шугнанского и ягнобского. Материалы выпуска можно разделить на два основных тематических блока, которые соответствуют двум наиболее активно развивающимся на сегодняшний момент направлениям исследований в отечественном иранском языкознании.

Во-первых, это статьи, посвященные осетинскому языку. Активное развитие осетиноведческих исследований в последние годы стало возможно благодаря разработке большого

числа лингвистических электронных ресурсов для этого языка. Определенную роль сыграло также возрождение осетинских лингвистических экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2022–2023 гг.; все статьи об осетинском языке, включенные в настоящий выпуск, написаны с использованием материалов, собранных в этих поездках.

Статья Д. А. Алексеева «Согласование глагола по числу в осетинском языке» посвящена феномену, хорошо известному из других иранских языков: «рассогласованию» глагола с подлежащим по числу, в особенности употреблению единственного числа при подлежащем в форме множественного числа. В предшествующих работах по осетинскому языку это явление лишь упоминалось, но никогда не было предметом самостоятельного изучения. Д. А. Алексееву удалось выделить особенность, отличающую осетинский от других иранских языков: согласование по единственному числу с субъектом множественного числа в общем случае возможно только у непереходных глаголов. Основным фактором, определяющим возможность такого согласования, является определённость; также играет роль структура именной группы подлежащего (наличие числительных и кванторных слов).

Статья О. И. Беляева и А. А. Осиповой посвящена анализу употребления показателя *фыр* в осетинском языке. Этот элемент обычно трактуется как интенсификатор ('очень', 'слишком') в составе сложных слов, однако авторы показывают, что в современном языке он употребляется преимущественно в выражениях, обозначающих причину. При этом оформляется особый вид именной причины: так называемая внутренняя причина. Во многих случаях *фыр* и вовсе утрачивает своё интенсифицирующее значение, оказываясь показателем исключительно внутренней причины, хотя его употребление пока обязательно не во всех контекстах. Подобный сценарий развития показателя именной причины пока что не был засвидетельствован в языках мира и представляет типологический интерес.

В статье «Сравнительные конструкции равенства в осетинском языке» Ю. В. Сеницына рассматривает так называемые эквативные (*Машиа такай же высокая, как Петя*) и симилитивные (*Машиа поет как Петя*) конструкции. Несмотря на то, что осетинский является одним из немногих языков, имеющих отдельный эквативный падеж (-*ау*), соответствующие конструкции пока не становились предметом самостоятельного изучения — в том числе потому, что типологические параметры для их исследования были установлены сравнительно недавно. Ю. В. Сеницына показывает, что в осетинском языке в эквативных и симилитивных конструкциях используются два показателя — падеж *-ау* и послелог *хуызен*, причем первый, вопреки своему названию, скорее характерен для симилитивных конструкций, тогда как *хуызен* одинаково используется в обоих. Свойства каждого из показателей описываются в рамках типологически-ориентированного подхода.

Наконец, статья И. А. Хомченковой и О. И. Беляева «Комитативные показатели в осетинском языке на генетическом и ареальном фоне» посвящена показателям комитатива в обоих основных диалектах осетинского языка: иронском и дигорском. В иронском диалекте используется падеж на *-има* и предлог *æд*; в дигорском — послелог *хацца* и тот же предлог *æд* (комитативный падеж в дигорском отсутствует). Ранее в литературе отличия между этими показателями практически не обсуждались. Авторы показывают, что если *-има* и *хацца* являются основными комитативными показателями в иронском и дигорском соответственно, то показатель *æд* используется в весьма ограниченном числе контекстов, один из которых — так называемые «комплектные» употребления (например, *выбросить цветок вместе с горшком, съесть абрикос вместе с косточкой*: цветок и горшок, абрикос и косточка образуют «комплекты»). Специализированные комитативные показатели с таким значением ранее были описаны для ряда языков Северной Евразии, в частности для уральских языков. В статье дается краткий обзор комитативов в иранских языках; показано, что подобная оппозиция для этой семьи нехарактерна. В соседних с осетинским языках также не удалось обнаружить показателей с семантикой, аналогичной семантике *æд*. Лишь в грузинском имеется показатель *-ian-ad*, который, судя по корпусным примерам, может выражать похожее значение.

Во-вторых, в сборник вошли статьи, посвященные малым восточноиранским языкам Таджикистана: памирским языкам и ягнобскому. Исследования в этой области традиционно являются одной из сильных сторон отечественной иранистики. Всплеск интереса к памирским языкам связан прежде всего с работой памирской экспедиции, организуемой НИУ ВШЭ с 2018 г. Новые перспективы в исследовании ягнобского языка открывает разработка А. П. Выдриным корпуса, основанного на устных текстах, опубликованных в течение XX в.

Статья Е. В. Рахилиной, Д. А. Рыжовой и М. Ш. Ардабаевой «Поле искать: шугнанские данные в свете лексической типологии» посвящена рассмотрению нескольких шугнанских глаголов и конструкций, относящихся к названному семантическому полю. Авторы показывают, что, как и во многих других языках, в шугнанском выделяется явная семантическая доминанта: *xikidow* 'искать'. При этом имеется также несколько глаголов, специализированных на выражении отдельных типов поиска: обыск пространства, поиск глазами, поиск руками, поиск посредством расспросов окружающих. Особый интерес представляет выявленная в шугнанском полисемия значений 'искать' и 'болтать' у трех глаголов (к сожалению, в современном языке, по-видимому, полностью утраченная): по мнению авторов, оба значения связаны с общим источником 'совершать беспорядочные движения' (руками, языком).

М. Г. Меленченко в статье «Эвиденциальный перфект в шугнанском языке» исследует семантику форм перфекта, которая в предыдущих исследованиях не получала сколько-нибудь подробного описания. В грамматиках выделялись такие значения, как «результат», «текущая релевантность», а также эвиденциальное значение, однако точный смысл этих обозначений и их распределение оставались неописанными. М. Г. Меленченко показывает, что в современном шугнанском языке основным значением перфекта является именно эвиденциальное; оппозицию претерита (простого прошедшего, аориста) и перфекта можно охарактеризовать как оппозицию засвидетельствованного и незасвидетельствованного прошедшего. Результативная семантика у перфекта также имеется, но она ограничена четырьмя глаголами со значением положения в пространстве: 'лежать', 'сидеть', 'стоять', 'носить; надевать'. Такая лексическая ограниченность результативных форм широко известна в иранских языках и за их пределами, в частности, в языках Дагестана. При этом употреблений в значении «текущей релевантности» шугнанский перфект, по-видимому, не имеет, так что с типологической точки зрения его корректнее характеризовать как эвиденциально-результативную форму. Особого внимания заслуживают перфектные формы глагола 'быть', которые имеют эвиденциально-миративное значение, относящееся к настоящему, а не к прошедшему времени.

Завершает сборник статья А. П. Выдрин и Ю. В. Мазуровой «Зона перфекта ягнобского языка». Исследование выполнено на базе корпусных данных и отражает состояние языка в 20-е–60-е гг. XX в. Рассматривается семантика следующих форм: перфект, плюсквамперфект, преждепрошедший перфект, прошедшее время сослагательного наклонения. Все формы перфектной зоны крайне скудно описаны в ягнобской грамматике. Например, при описании значений перфекта грамматика ограничивается лишь упоминанием ярлыка «результативность». Между тем А. П. Выдрин и Ю. В. Мазурова показывают, что перфект в ягнобском вовсе не является специализированным средством выражения результата. Гораздо более значимыми являются для него другие значения, в частности эвиденциальное. Интересно, что плюсквамперфект в ягнобском совсем не является ретроспективным (таксисным) вариантом претерита, но имеет лишь дискурсивные употребления. При этом у преждепрошедшего перфекта таксисное значение сохраняется; его круг употреблений аналогичен употреблению перфекта со смещением в прошедшее время. Наиболее сложна для описания форма прошедшего времени сослагательного наклонения, которая употребляется в вопросах и придаточных предложениях; ее семантика лишь отчасти соотносится с семантикой соответствующей формы настоящего времени.

Надеемся, что настоящий специальный выпуск станет основой для дальнейшего развития российской иранистики в русле типологически ориентированной лингвистики.